

СКАЗКА П. П. ЕРШОВА «КОНЕК-ГОРБУНОК»: ПРЕДПОСЫЛКИ ЛИТЕРАТУРНОГО УСПЕХА

Чудеса — необычайно счастливые удачи — случаются не только в сказках. Появление «Конька-горбунка», на первый взгляд, кажется невероятным чудом.

Следует все-таки разобраться в обстоятельствах появления шедевра, сравнимого по качеству с замечательными сказками Пушкина.

Прежде всего должна учитываться народная основа сюжета. Замечательна при этом оригинальная трактовка неказистого и смешного на вид чудесного помощника Иванушки. Стало быть, Ершову повезло встретить сказителя, который был, несомненно, из породы скоморохов-балагуров, и смеховая стихия пронизывает весь сюжет сказки. Образцом здесь едва ли не послужила «Сказка о Ерше Ершовиче»: недаром такой персонаж появится в сказке о Коньке-горбунке.

Можно, конечно, заметить и определенную неопытность юного автора в развитии сказочных мотивов. Никак не наказываются им, например, вероломные братья героя (в отличие, например, от сестер пушкинской героини, уязвленных Гвидоном). Странным образом совершенно не порицается Месяцем Месяцовичем фактический похититель его дочери, да и она сама не держит на него зла, несмотря на жестокий захват («Косу длинную хватает»). Характерно, что в большинстве современных интерпретаций (в артистических декламациях, в театральных постановках, в фильмах) не случайно пропускается затягивающее сюжет описание длительных поисков перстня с участием Ерша.

Важно, однако, особо отметить несомненное влияние на юного автора наставника, профессора П. А. Плетнева, который весной 1834 года на лекции прочел подготовленное в качестве курсовой работы начало сказки своего подопечного студента Петра Ершова, и вскоре этот текст был напечатан в «Библиотеке для чтения», предваренный восторженным отзывом редактора, О. И. Сенковского: «Мы должны предупредить наших читателей, что поэма, которая следует за этими строками, есть произведение совершенно неизвестного нам пера. Не затворяясь в блистательном кругу имен, исчисленных на заглавном листе и приобретших уже своими трудами право на уважение или внимание соотечественников, „Библиотека для чтения“ <...> считает долгом встретить с должными почестями и принять на своих страницах такой превосходный поэтический опыт, как „Конек-горбунок“ г. Ершева <так!>, юного сибиряка, который еще довершает свое образование в здешнем университете: читатели сами оценят его достоинства, — удивительную легкость и ловкость стиха, точность и силу языка; любовную простоту, веселость и обилие удачных картин, между которыми заранее поименуем одну, — описание конного рынка,¹ — картину, достойную стоять наряду с лучшими местами русской легкой поэзии».²

Великолепная сказка восемнадцатилетнего юноши породила легенду о нем как о человеке единственной книги. Более того, до сих пор не прекращаются попытки при-

¹ Это замечание (как и определение жанра: «поэма») должно воспринимать в качестве цензурной отмазки. Ср.: «В это время тот отряд / Приезжает в конный ряд; / Но от множества народу, / Нет ни выходу, ни входу; / Так кишмя вот и кишат, / И смеются, и кричат. / Городничий удивился, / Что народ развеселился, / И приказ отряду дал, / Чтоб дорогу прочищал. / „Эй вы, черти босоноги! / Прочь с дороги! Прочь с дороги!“ — / Закричали усаи / И ударили в бичи. / Тут народ зашевелился, / Шапки снял и расступился» (Ершов П. П. Конек-горбунок. Стихотворения. Л., 1976. С. 68–69, 276; далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера страницы).

² Библиотека для чтения. 1834. Т. 3. С. 102 (цензурное разрешение 31 марта 1834 года). Первое полное отдельное издание вышло спустя несколько месяцев, см.: Конек-горбунок. Русская сказка. Сочинение П. Ершова: В 3 ч. СПб., 1834 (цензурное разрешение — 1 июня 1834 года).

писать сказку Пушкину, который якобы тайно одарил своим шедевром начинающего и мало знакомого ему поэта. Но с моральным обликом Ершова, конечно же, никак не вяжется репутация расчетливого плагиатора.

Следует отметить рано пробудившийся интерес Ершова к древнерусской словесности и фольклору,³ а также плодотворную традицию русской литературной сказки.

Долгое время сказки печатно распространялись лишь в лубках и в книжках типа «Деревенская забавная старушка, рассказывающая простонародные веселые сказочки», «Дедушкины погудки», «Лекарство от задумчивости и бессонницы» и т. п.

В «серьезную» литературу сказочные сюжеты с конца XVIII века вошли через стихотворные произведения Г. Р. Державина, И. И. Дмитриева, Н. М. Карамзина.

Но как раз в начале 1830-х годов вышло сразу несколько книг сказок, что, вероятно, и стало стимулом для Петра Ершова записать услышанную в детстве от остроумного, веселого сказителя сказку о Коньке-горбунке, верном помощнике Иванушки.

«Баллады и повести» (1831) В. А. Жуковского продолжили наметившуюся традицию стихотворных переложений фантастических сюжетов, почерпнутых из европейских источников (исключением стала только его напечатанная в «Новоселье» (1833) «Сказка о царе Берендее...»,⁴ изложенная гекзаметрами на сюжет, поведенный Пушкиным). Украинские предания отразились в двух частях «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (1831–1832) Н. В. Гоголя. В 1832 году опубликована книга В. И. Даля: «Русские сказки, из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные Казакм Владимиром Луганским. Пяток первый». В 1833 году издал «Пестрые сказки» В. Ф. Одоевский.

Тогда же были написаны и все сказки Пушкина, первой из которых стала «Сказка о царе Салтане».

П. В. Анненков, ссылаясь на А. Ф. Смирдина, отметил, что «в апогее своей славы Пушкин с живым одобрением встретил известную русскую сказку г-на Ершова „Конек-горбунук“ <...> Первые четыре стиха этой сказки <...> принадлежат Пушкину, удостоившему ее тщательного пересмотра».⁵ Вполне очевидно, что Пушкин ознакомился с текстом сказки только после публикации ее, и, в сущности, речь здесь может идти лишь об одном стихе («Против неба на земле»), который и будет включен в последнее прижизненное издание сказки (СПб., 1861), когда Ершову станет известна книга Анненкова.

А начата литературная обработка сказки под наблюдением Плетнева, который не случайно 26 декабря 1832 года записал в альбом А. О. Смирновой стихотворение, завершенное строками:

...Я сяду чинно и печально
Прослушать сказку о былом,
Ко мне дойдут, как песнь, былины,
Где русских гуслей слышен звон,
Как чудеса у нас творили
Царь Берендей и князь Гвидон.⁶

Профессор в своих советах талантливому студенту стал, несомненно, проводником прежде всего пушкинской традиции.⁷ Недаром сказка о Коньке-горбунке изложена, вслед

³ См. его ранние произведения (с. 123–148).

⁴ В 1845 году Жуковским будет опубликована сказка «Иван-царевич и серый волк», о которой он писал: «...мне хотелось в одну сказку впятить многое характеристическое, рассеянное в разных русских народных сказках...» (Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 649). Можно заметить здесь и переклички с «Коньком-горбунком».

⁵ Анненков П. В. Материалы для биографии Пушкина. СПб., 1855. С. 166.

⁶ Плетнев П. А. Полн. собр. стихотворений. Минск, 2014. С. 215.

⁷ Несколько ранее Плетнев отчасти подготовил и дебютный успех Гоголя: при издании «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Гоголь воспользовался советом Плетнева, который (вслед

Пушкину, четырехстопным хореем с чередующимися рифмованными двустипьями с мужской и женской рифмами. Впервые подобный размер был использован в балладе Жуковского «Людмила» (1808), что было отмечено В. Г. Белинским: «...стихи этой баллады не могли не удивить своею легкостью, звучностью, а главное — своим складом, совершенно небывалым, новым и оригинальным».⁸ Обратившись, как и Жуковский, к вольному переводу из Бюргера, П. А. Катенин использовал также хореический размер,⁹ но лексическая грубость катенинской «Ольги» вызвала протест Н. И. Гнедича, которому ответил А. С. Грибоедов,¹⁰ отметив новаторство Катенина, что, в свою очередь, поддержал Пушкин: «Но сия простота и даже грубость выражений, сия *сволочь*, заменившая воздушную *цепь теней*, сия виселица вместо сельских картин, озаренных летнею луною, неприятно поразили непривычных читателей, и Гнедич взялся высказать их мнения в статье, коей несправедливость обличена была Грибоедовым».¹¹

Выше было уже отмечено, что своеобразным ориентиром для Ершова, вероятно, послужила народная «Сказка о Ерше Ершовиче», ставшая фольклорной обработкой книжного источника — в форме рифмованной балагурной скоморошины.¹²

«В балагурстве, — отмечает Д. С. Лихачев, — значительную роль играет рифма. Рифма провоцирует сопоставление разных слов, „оглушает“ и „обнажает“ слово. Рифма (особенно в раешном или «сказовом» стихе) создает комический эффект. Рифма „рубит“ рассказ на однообразные куски, показывая тем самым нереальность изображаемого. Это все равно, как если бы человек ходил, постоянно пританцовывая».¹³

Ср.:

...Вечер к ночи пробирался;
На ночлег Иван собрался;
Вдоль по улице идет,
Ест краюшку да поет.
Вот он поля достигает,
Руки в боки подпирает
И с прискоккой, словно пан,
Боком входит в балаган...

(с. 63)

...Тут он кликнул скакунов
И пошел вдоль по столице,

«Повестям Белкина»), чтобы «оградить юношу от влияния литературных партий и в то же время спасти повести от предубеждения людей, которые знали Гоголя, <...> присоветовал ему „строжайшее инкогнито“ и придумал для его повестей заглавие, которое возбудило бы в публике любопытство» (Отечественные записки. 1852. № 4. Отд. VIII. С. 200–201). Топоним, употребленный в заглавии книги, был известен русскому читателю из поэмы «Полтава», где дважды упоминалось название поместья Кочубея: Диканька.

⁸ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 7. С. 168.

⁹ Весь текст баллады Жуковского разбит на двенадцатистрочные строфы (ААббВВггДДее), строфы же «Ольги» представляли собой катенинские имитации октав (АбАбГГдд).

¹⁰ См.: Грибоедов А. С. О разборе вольного перевода бюргеровой баллады «Ленора» // Сын отечества. 1816. Ч. 31. № 30.

¹¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1949. Т. 11. С. 221. Отметим, что похожие стихи звучали в скоморошинах типа: «Батко-де пакал, / А диакон плакал. / Крылошанин пел / и кутью мало не съел. / Тихонько сляпал / и далеконько спрятал. / А пономарь-де взял / и подале спихал...» (Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 243).

¹² См.: Повесть о Ерше Ершовиче // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга вторая. М., 1989. С. 177–181. «Сказка отказывается постепенно от социальной сатиры, превращаясь в скоморошину, байку. В некоторых вариантах Ерш еще напоминает трикстера, дурачащего других рыб. Но чаще всего характер трикстера расплывается, и фантастическая ситуация рыбьего суда снижается <...> до уровня словесной белиберды» (Костюхин Е. А. Типы и формы животного эпоса. М., 1987. С. 115).

¹³ Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньырко Н. В. Смех в Древней Руси. С. 21.

Сам махая рукавицей,
И под песню дурака
Кони пляшут трепака;
А конек его — горбатко —
Так и ломится впрысядку,
К удивленью людям всем...
(с. 72)

Очевидно, Плетнев подсказал студенту и о новаторстве сюжета пушкинской сказки о царе Салтане, где — наряду с основным — включалось несколько других сказочных мотивов.¹⁴

Так же выстраивает и Ершов свое повествование, избрав в герои простодушного Ивана-дурака. Под стать ему чудесный помощник, неказистый и смешной: «Ростом только в три вершка / На спине с двумя горбами / Да с аршинными ушами» (с. 59).¹⁵ На самом же деле Иван слывет дураком — лишь в отличие от прагматичных братьев, а его конек столь же отважен и мудр, как и Сивка-бурка, но куда лучше ее приспособлен для частых поездок героя без всякой сбруи: между двумя горбами здесь удобно сидеть и без седла, а длинные уши использовать в качестве поводьев:

Тут конек под ним ложится;
На конька Иван садится,
Уши в загреби берет,
Что есть моченьки орет.
Горбунук-конек встряхнулся,
Встал на лапки, встрепенулся,
Хлопнул гривкой, захрапел
И стрелою полетел.

(с. 64)

Дальнейшие чудеса в «Коньке-горбунке» развиты в ряде сказочных мотивов: о Жар-птице, о Царь-девице, о заколдованном Ките, о поисках спрятанного перстня, о перерождении героя — в красавца и царя. В пушкинских записях народных сказок¹⁶ все эти мотивы отсутствуют, что свидетельствует о собственной фольклорной эрудиции Ершова.

С самого начала в его сказке обозначены крестьянские координаты земного мира: «Знать, столица та была / *Недалече от села*» (тем самым село осмысливается первоосновой государства). Каждый из сюжетных мотивов окрашен в «Коньке-горбунке» бытовыми приметами. Найденное перо Жар-птицы используется Иванушкой по ночам в качестве светильника. Царь-девица в первом восприятии Иванушки оценивается так:

«Хм! Так вот та Царь-девица!
Как же в сказках говорится, —
Рассуждает стремянной, —
То куда красна собой

¹⁴ Пушкин при этом ориентировался на переводные повести (типа «Еруслана Лазаревича» и «Бовы-королевича»). «Народные книги выработали специфический для них язык, обладающий прекрасными литературными достоинствами, особый стиль, особые литературные приемы <...> Народные книги были у нас чрезвычайно популярны. Отождествление народной книги со сказкой — методологическая ошибка. Но такой же методологической ошибкой будет и изучение народной книги вне сказки. Это смежные, родственные и перекрещивающиеся жанры, обладающие, однако, каждый своей внутренней спецификой, исторической судьбой и формой обращения» (Пропл В. Я. Русская сказка. Л., 1984. С. 53). Подобные лубочные издания упоминаются и в «Коньке-горбунке».

¹⁵ Для обозначения роста в вершках указывалось, насколько он превосходил два аршина. Следовательно, рост Конька-горбунка — около 159 см (2 × 71 см + 3 × 4,4 см).

¹⁶ См.: Рукою Пушкина. 2-е изд. М., 1997. С. 361–369.

Царь-девица, так что диво!
 Эта вовсе не красива:
 И бледна-то, и тонка,
 Чай, в обхват-то три вершка;
 А ножонка-то, ножонка!
 Тьфу ты! Словно у цыпленка!
 Пусть полюбится кому,
 Я и даром не возьму».

(с. 93)

Кит, в народных сказках ставший дорогой из мира земного к небесам, у Ершова превращен в сельскую усадьбу. Да и небесный свод уподоблен земному государству:

Подъезжают; у ворот
 Из столбов хрустальный свод <...>
 А ведь терем с теремами
 Будто город с деревнями;
 А над теремом — из звезд
 Православный русский крест.

(с. 101–102)

Следует специально отметить своеобразие (для Пушкина не типичное) в истолковании Ершовым одного из традиционных фольклорных образов. *Матерью* Царь-девицы здесь назван Месяц Месяцovich.¹⁷ Отметим колебания глагольных форм — мужских и женских, — связанных с его характеристикой: «*Молвил Месяц Месяцovich*», «*Вскрикнул Месяц Месяцovich*», но «Оттого-то, видишь, я / По три ночи, по три дня / В темном облаке *ходила*, / Все *грустила* да *грустила*, / Трое суток не *спала*, / Крошки хлеба не *брала*» (с. 102–103). Употребление женского рода по отношению к месяцу можно объяснить его аналогией с луной.¹⁸ Не случайно месяц и ранее бывал помощником героя, раскрывая перед ним все пространство мироздания:

Ночь настала; месяц всходит;
 Поле всё Иван обходит,
 Озираючись кругом,
 И садится под кустом;
 Звезды на небе считает
 Да краюшку уплетает...¹⁹

(с. 58)

Самым трудным заданием оказались поиски перстня Царь-девицы,²⁰ которая была уверена в невозможности находки глубоко спрятанной драгоценности. И действительно для обнаружения перстня потребовалось выяснить на небесах, как расколдовать Кита, а тот приказал своей свите достать искомое. Замечательно, что в длитель-

¹⁷ См. статью, в которой подробно анализируется эта проблема: Гин Я. И. Словесная травестия: Месяц Месяцovich в «Коньке-горбунке» П. П. Ершова // Фольклорная традиция в русской литературе. Волгоград, 1986. С. 17–23. Сыном Месяца в сказке названо и Солнышко (в обычных фольклорных представлениях Месяц и Солнце — муж и жена или брат и сестра). Ершову, видимо, важно, что Иванушка станет не только царем, но и деверем Солнца.

¹⁸ В верованиях древних славян рогатый месяц символизировал мужское начало, а полная луна — женское. Считалось, что за один полный цикл ночное светило превращается из удалого парня-молодца в круглолицую деву-луну.

¹⁹ Ср. загадку: «Над бабушкиной избушкой хлеба краюшка» (месяц).

²⁰ Ершов здесь по-своему развил традиционный балладный мотив о заветном кольце, упавшем в море, что отчасти откликнулось в позднем элегическом его стихотворении «Кольцо с бирюзой» (с. 181).

ных поисках перстня *главной персоной* стал отнюдь не вездесущий конек, но — *по звучанию с фамилией автора* — удалой Ерш, который столь же забавен, как и основной чудесный помощник героя. Но именно ему доверена тайна, где хранится заветный перстень — залог счастливого финала ершовской сказки.

Сказку Ершова обычно считают — ввиду постоянной комической невосприимчивости — ориентированной преимущественно на детское восприятие. Нельзя не отметить при этом, что многие ее фантастические образы (и чудесный конь, и Жар-птица, и Царь-девица) имеют подспудное мифологическое происхождение, что, несомненно, углубляет поэтическое качество данного произведения. Так, Конек-горбунок подобен, например, Мухе-цокотухе, но его необыкновенные способности восходят к мифическим чудесным коням, запечатленным в верованиях разных народов. Два горба внешне делают его похожим на верблюжонка, но в то же время, как отмечено в «Толковом словаре» В. И. Даля, одно из значений слова «горб»: «Говоря о труде, работе <...> *гнуть горб*. <...> *Добывай всяк своим горбом*». ²¹ Отсюда мелькнула современная шутка в фильме Эльдара Рязанова «Гараж»: «У верблюда два горба, потому что жизнь — борьба».

Оригинальность же молодого таланта проявилась и в других ранних произведениях Ершова — например, во второй из его книг: «Суворов и станционный смотритель, драматический анекдот, соч. Ершова» (она упомянута в перечне новых изданий в пушкинском журнале «Современник», т. 4, с. 307). В ней были использованы широко известные анекдоты о полководце, постоянно рядившемся в простака.

Опубликованная пьеска юного писателя вызвала в свое время определенный интерес, хотя и не сравнимый, конечно, с замечательной сказкой.

Отмечено, что петербургский цензор Е. Ольдекоп в 1836 году считал: «Вот прекрасная безделка, которая делает честь российской словесности, но которую нельзя одобрить к представлению». При повторном же чтении, в 1839 году, «прося начальство подтвердить запрещение ее, он удивлялся, что артисты настаивают на разрешении произведения, „порочающего славное имя героя“». ²²

Можно догадаться, почему артисты были восхищены пьесой. Недавно прошла премьера гоголевского «Ревизора», а Ершов вывернул традиционную сюжетную интригу ²³ наизнанку: высокий начальник предстал в виде простого солдата.

Образ станционного смотрителя, хотя и в иной, конечно же, обработке, восходил к одной из «Повестей Белкина», ²⁴ а фельдмаршалу была посвящена статья Д. И. Хвостова «Два обстоятельства из жизни Суворова» в «Библиотеке для чтения», — непосредственно перед «Коньком-горбунком». Но, рисуя образ полководца, автор опирался

²¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: [В 4 т.] / Под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. 3-е изд. СПб.; М., 1903. Т. 1. Стлб. 930.

²² Дризен Н. В. Драматическая цензура двух веков. Пб., 1917. С. 81.

²³ В «Ревизоре» (конечно же, по-новаторски!) использована традиционная комедийная пружина *qui pro quo* (одно вместо другого), таящая массу забавных недоразумений. И в этом отношении, казалось бы, были правы и О. И. Сенковский, утверждавший, что «его («Ревизора») предмет — анекдот; старый, всем известный, тысячу раз напечатанный, рассказанный и обделанный в разных видах и на разных языках» (Библиотека для чтения. 1836. Т. 16. Ч. V. С. 43), и Ф. В. Булгарин, называвший несколько пьес, где использовалась подобная интрига: «Сюжет избитый во всех немецких и французских фарсах, тот же, что „Мнимая Каталани“ («Die vermeinte Catalani»), „Немецкие горожане“ («Die deutschen Kleinstädter»), „Ложная Тальони“ («Die falsche Talioni»), „Городишко“ Пикара («La petite ville») и т. п. с тою разницею, что в „Ревизоре“ более невероятностей» (Булгарин Ф. В. Статья о театре // ИРЛИ. Р. 1. Оп. 2. № 284. Л. 23). Упомянем и публикацию в «Сыне отечества» (1825. Ч. 101. № 10) отрывка из романа Пикара «Жилбаз революции», где также была намечена ситуация подмены персонажа. Сходный сюжет неоднократно варьировался в незавершенной комедии Н. И. Хмельницкого «Арзамасские гуси» (1825) и в комедии Г. Ф. Квитко-Основьяненко «Приезжий из столицы, или Суматоха в уездном городе» (1827), в повести А. Ф. Вельмана «Неистовый Роланд» (1835).

²⁴ Многочисленные сценические переработки этой повести начались, впрочем, значительно позже. См.: Денисенко С. В. Пушкинские тексты на театральной сцене в XIX веке. СПб., 2011. С. 167–172.

на изданные Е. Фуксом «Анекдоты». Там отмечалось: «Всегда поражало, изумляло меня, как человек умнейший, ученейший, лишь только за порог своего кабинета, показывается шутом, проказником или, если смею сказать, каким-то проказенным. Он играл с людьми комедию и на сцене резвился, а зрители рукоплескали»;²⁵ «Знал он, что солдат не любит в начальнике своем пышности, и потому, соображаясь с сим, жил и он солдатом. Враг роскоши, обедал по-солдатски рано, хлебал солдатские щи и кашу. Сие единообразие жизни с жизнью солдат сближало его с их сердцами, и они видели в нем героя, начальника, отца и первого своего брата-солдата. Сие поддерживал он и своею одеждою. Кроме торжественных праздничных дней, когда он украшал себя знаками отличия, был он всегда одет в простой солдатской куртке, и тогда не требовал никаких почестей. Но величайшее искусство его было в разговоре со своими чудо-богатырями. Тут был он неподражаем. В их вкусе, в их слоге, в их языке беседовал он с ними. Опыты долговременной его с нижних чинов службы познакомили его с кругом их познаний и понятий, и каждое его слово и изречение были к тому приспособлены, как то доказывают его приказы, разговор с солдатами, словесное поучение солдатам и многие другие, которые они вытверживали наизусть и передавали товарищам».²⁶

Сюжет пьесы забавен. В село, где ожидали приезда фельдмаршала, прибыл Суворов в простой солдатской шинели, назвался загонщиком и, отобедав запросто со станционным зрителем (бывшим солдатом, участником битвы под Кагулом),²⁷ узнал, что тот противится браку двух влюбленных: своей дочери Маши и ямщика-бедняка Луки. На тройке Луки приезжий отправился далее, а появившийся на почтовой станции адъютант осведомился, как тут встречали его начальника. Само собой, поднялся переполох в страхах о неминуемом наказании за непочтительное общение с фельдмаршалом. Но возвратившийся Лука передал письмо от своего спутника, где тот благодарил зрителя за обед и просил обвенчать влюбленных, вложив в письмо сторубливую ассигнацию для будущей свадьбы.

Сцена о Суворове создавалась одновременно с «Коньком-горбунком». Произведение в ранней редакции было украшено стихотворными вставками (с. 296). Герои там распевали забавные песенки. Сохранилось стихотворение Ершова «Русский штык» (вероятно, это первоначально была песенка станционного зрителя):

...Пушки бьются до последа,
Штык кончает дело вмиг;
Там удача, там победа,
Где сверкает русский штык.

И с Суворовым штыками
Окрестили мы Рымник.
Ставь хоть горы над горами —
Прoberет руский штык.

Штык не знает ретирады,
И к пардонам не привык.
Враг идет просить пощады,
Лишь почует русский штык...
(с. 128)

Ср. в пьесе: «См о т р и т е л ь. Да все-таки пуля не чета штыку, хоть она и мелким бесом рассыпается. Как хватит, дружок, под седьмое ребро, так и поминай, как звали!»

²⁵ Анекдоты князя Итальянского, графа Суворова Рымникского, изданные Е. Фуксом. СПб., 1827. С. 26.

²⁶ Там же. С. 190.

²⁷ Между прочим, Фукс упоминал: «Через десять лет после Кагульского сражения он в городе Орле у сторожа, служившего в той славной битве рядовым, остановил его, назвал по имени и поцеловал» (Там же. С. 7).

Ну-ка, за здоровье Штыка Штыковича. / Суворов. Изволь. За кого другого, а уж за штык как не выпить?»²⁸

Появляются в пьесе и прямые переключки с ершовской сказкой. Упоминалось, например, выше, что Иванушка по ночам звездочки считал:

Ночь настала; месяц всходит;
Поле всё Иван обходит,
Озираючись кругом,
И садится под кустом;
Звезды на небе считает
Да краюшку уплетает.

В «Анекдотах» же сообщалось, как Суворов, не любивший «немогузнаек», как-то спросил часового, сколько звезд на небе. «Тот отвечал: „Сейчас перечту, — и начал, — раз, два, три и т. д.“ Когда он насчитал до тысячи и более, тогда Александр Васильевич, сильно прозябнув, спросил его имя — и ускакал. На другой день он унтер — и Суворов сказал: „Нет, он меня перехитрил“» (с. 165–166).

Ср. еще в комедии Ершова:

«Суворов. А что, смотритель, не скажешь ли ты теперь сказки?

Смотритель. Ох! Ты, забавник! Да скорее на животе рожь измолотишь, чем от меня сказку услышишь. Не таковский, брат. (*Ложится на другую лавку*). Вот ты не скажешь ли? Ведь у вас в лагере то и дело, что сказки... Ну-ка, служба, потешь старика, махни богатырскую!

Суворов. Отчего не потешить!.. Слушай же: в некотором царстве, в некотором государстве...

Смотритель. Постой! Говори порядком: о ком речь идет?

Суворов. Об Еруслане Лазаревиче.

Смотритель. Слышал, брат. Чудесная! Знаю, брат, знаю. <...> Все старье. Знакомое. Нет ли поновее чего?

Суворов. Чего же тебе поновее? Ну вот, хоть о Царь-девице...».

Нельзя не заметить, что непродолжительный всплеск в печати русской литературной сказки в середине 1830-х годов в основном закончился. Можно предположить, что интерес к сказкам был вызван тем, что в них отразились бытие и верования простого народа — и в этом отношении «Конек-горбунок» был особенно замечателен. Впоследствии же сказочные мотивы нередко уходили в подтекст реалистических полотен.²⁹

²⁸ Текст пьесы цитируется по изданию: *Ершов П. П.* «Сузге», стихотворения, драматические произведения, проза, письма. Иркутск, 1984. С. 178–207.

²⁹ В сюжете повести «Капитанская дочка» справедливо отмечен архетип волшебной сказки (см.: *Смирнов И. П.* От сказки к роману // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1973. Т. 27. С. 304–320), определившей (по образцу «Царевны-лягушки») само название произведения. Мотив путешествия на птице-тройке в «Мертвых душах» — песенного происхождения. Нельзя не заметить, однако, что Чичиков, в сущности, — трикстер (обманщик, хитрец), родственный по духу обычному персонажу народных сказок. «Основная тема его, — отмечает фольклорист, — соперничество и борьба, где трикстеру противостоит обычно животное, гораздо более сильное, чем он сам <...> Странствия и встречи во время странствий — вот стержень сказки о животных <...> ее „ударная сила“ по-прежнему остается в комических сюжетных ситуациях» (*Костюхин Е. А.* Типы и формы животного эпоса. С. 66). По определению В. Я. Проппа, «основной художественный прием таких сказок состоит в каком-либо многократном повторении одних и тех же действий или элементов, пока созданная таким образом цепь не порывается или не разрастается в обратном порядке» (*Пропп В. Я.* Фольклор и действительность: Избр. статьи. М., 1976. С. 243). Нетрудно заметить, что все эти наблюдения вполне применимы к кумулятивному сюжету первых глав «Мертвых душ», как и к постоянному уподоблению основных персонажей животным. Изворотливость трикстера внушает если и не симпатию к нему, то все же интерес к его хитроумным столкновениям с различными соперниками — тем более что истинная цель, казалось бы, невероятных негодий Чичикова долго остается неясной. См. также «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова.

К этому времени Ершов сблизился с кружком необычайно популярного в то время поэта В. Г. Бенедиктова и в своей лирике примкнул к этой школе, оказавшейся бесперспективной в развитии русской поэзии. Но для четвертого издания в 1856 году и пятого — в 1861-м текст сказки был значительно исправлен и дополнен. Юмористический же склад личности Ершов сохранил до последних дней. На склоне лет он напишет (отметим здесь стихотворный размер «Конька-горбунка» и фактический перепев понятия «ершиться»³⁰):

Не дивитесь, друзья,
Что так толст и весел я:
Это — плод моей борьбы
С лапой давящей судьбы;
На гнетущий жизни крест
Это — честный мой протест.

Тогда же Ершов сочинил в соавторстве со ссыльным декабристом Н. И. Чижовым сценку «Черепослов», которая в 1860 году была напечатана в составе сатирической оперетты знаменитого коллективного насмешника Козьмы Пруtkова.

³⁰ Ср. у В. И. Даля: «*Ершистый, ершеватый, упорный, строптивый. <...> Ершиться, упрямиться, упираться*» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. Стлб. 1301).

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-2-118-126

© Н. А. Хохлова

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»: ЭКЗЕМПЛЯР А. И. ТУРГЕНЕВА В БИБЛИОТЕКЕ А. С. ПУШКИНА (1830-е ГОДЫ)

Задача настоящей статьи — проследить историю принадлежавшего А. И. Тургеневу экземпляра «Слова о полку Игореве» и тем самым создать объективные предпосылки для продолжения поисков этой книжной редкости, местонахождение которой неизвестно. Ценность книги определяется следующими факторами. Речь идет о первом издании «Слова»; его владельцем был видный ориенталист А. Я. Италинский. Приобретя книгу после его кончины, Тургенев передал ее в 1834 году Пушкину для работы над переводом памятника. Книга находилась в библиотеке поэта вплоть до его гибели.

Напомним историю первого издания «Слова» и обозначим проблематику переводческой работы Пушкина.

А. И. Мусин-Пушкин (1744–1817) готовил его около 10 лет: рукопись была открыта в самом начале 1790-х годов (не позднее 1792-го), издание же состоялось в 1800-м. Кроме самого Мусина-Пушкина, в работе участвовали выдающиеся историки-палеографы: Н. Н. Бантыш-Каменский и А. Ф. Малиновский (действующий директор Архива Коллегии иностранных дел и его будущий преемник).

В соответствии с принципами издания древних памятников были приготовлены текст рукописи и перевод. Сугубую сложность представляли лексические задачи: написанный сплошной строкой древнерусский текст следовало правильно разделить на слова, тогда как значение многих архаичных слов не поддавалось толкованию; к тому же принципы грамматики древнерусского языка еще не были разработаны. Именно лексические задачи станут важнейшими для исследователей и переводчиков «Слова», в том числе для Пушкина.

Сергей Александрович Фомичев

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Sergey Aleksandrovich Fomichev

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-9299-5612

safomichev@mail.ru

**СКАЗКА П. П. ЕРШОВА «КОНЕК-ГОРБУНОК»:
ПРЕДПОСЫЛКИ ЛИТЕРАТУРНОГО УСПЕХА**

**THE HUMPBACKED HORSE BY P. P. ERSHOV:
THE BACKGROUND OF THE LITERARY SUCCESS**

Сказка П. П. Ершова «Конек-горбунок» сравнима по качеству с замечательными сказками Пушкина, на которого во многом ориентировался юный автор — под влиянием своего наставника, профессора П. А. Плетнева. Но прежде всего должна учитываться народная основа сюжета ершовской сказки, образом которой едва ли не послужила «Сказка о Ерше Ершовиче»: недаром такой персонаж — *по созвучию с фамилией автора* — появится в сказке о Коньке-горбунке. Следует отметить и интерес юного сибиряка к древнерусской словесности и фольклору. Многие фантастичные образы ершовской сказки (и чудесный конь, и Жар-птица, и Царь-девица) имеют подспудное мифологическое происхождение, что, несомненно, углубляет поэтическое качество произведения Ершова.

Ключевые слова: русская народная и литературная сказка, А. С. Пушкин, профессор П. А. Плетнев, крестьянские координаты земного мира, скоморошья смеховая стихия, анекдоты о Суворове, рядившемся под простака.

As for its quality, *The Humpbacked Horse*, a fairy-tale by P. P. Ershov, is comparable to Pushkin's masterful tales that the young author used as his reference point, mostly under the influence of his teacher, Professor P. A. Pletnyov. The first thing to consider, however, is the folklore background of Ershov's story, arguably based on *The Tale of Ersh Ershovich (The Tale of the Ruffe the Ruffe's Son)*; and it is for this reason that this character, with the name consonant to the name of the author, made his way into the tale about the Humpbacked Horse. The interest of the young man from Siberia in the Old Russian literature and folklore is also worth considering. Many fantastic images from Ershov's fairy-tale (the magic horse, the Firebird, The Tsar Maiden) have insidious mythological origin, which certainly enriches the poetical quality of Ershov's tale.

Key words: Russian folk and literary fairy-tales, A. S. Pushkin, Professor P. A. Pletnyov, peasant coordinates of the ecumene, *skomorokh* humor, anecdotes about Suvorov posing as a simpleton.

Список литературы

1. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 7.
2. Гин Я. И. Словесная трагедия: Месяц Месяцovich в «Коньке-горбунке» П. П. Ершова // Фольклорная традиция в русской литературе. Волгоград, 1986.
3. Денисенко С. В. Пушкинские тексты на театральной сцене в XIX веке. СПб., 2011.
4. Ершов П. П. «Сузге», стихотворения, драматические произведения, проза, письма. Иркутск, 1984.
5. Ершов П. П. Конек-горбунок. Стихотворения. Л., 1976.
6. Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1960. Т. 4.
7. Костюхин Е. А. Типы и формы животного эпоса. М., 1987.
8. Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984.
9. Плетнев П. А. Полн. собр. стихотворений. Минск, 2014.
10. Повесть о Ерше Ершовиче // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга вторая. М., 1989.
11. Пропп В. Я. Русская сказка. Л., 1984.
12. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избр. статьи. М., 1976.
13. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1949. Т. 11.

14. Рукою Пушкина. 2-е изд. М., 1997.
15. *Смирнов И. П.* От сказки к роману // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1973. Т. 27.

References

1. *Belinskii V. G.* Poln. sobr. soch.: V 13 t. M., 1955. T. 7.
2. *Denisenko S. V.* Pushkinskie teksty na teatral'noi stsene v XIX veke. SPb., 2011.
3. *Ershov P. P.* «Suzge», stikhotvoreniia, dramaticheskie proizvedeniia, proza, pis'ma. Irkutsk, 1984.
4. *Ershov P. P.* Konek-gorbunok. Stikhotvoreniia. L., 1976.
5. *Gin Ia. I.* Slovesnaia travestiia: Mesiats Mesiatsovich v «Kon'ke-gorbunke» P. P. Ershova // Fol'klornaia traditsiia v russkoi literature. Volgograd, 1986.
6. *Kostiukhin E. A.* Tipy i formy zhivotnogo eposa. M., 1987.
7. *Likhachev D. S., Panchenko A. M., Ponyrko N. V.* Smekh v Drevnei Rusi. L., 1984.
8. *Pletnev P. A.* Poln. sobr. stikhotvoreniia. Minsk, 2014.
9. *Povest' o Ershe Ershoviche* // Pamiatniki literatury Drevnei Rusi. XVII vek. Kniga vtoraiia. M., 1989.
10. *Propp V. Ia.* Fol'klor i deistvitel'nost'. Izbr. stat'i. M., 1976.
11. *Propp V. Ia.* Russkaia skazka. L., 1984.
12. *Pushkin A. S.* Poln. sobr. soch.: [V 16 t.]. M.; L., 1949. T. 11.
13. Рукою Пушкина. 2-е изд. М., 1997.
14. *Smirnov I. P.* От сказки к роману // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1973. Т. 27.
15. *Zhukovskii V. A.* Sobr. soch.: V 4 t. M.; L., 1960. T. 4.

Наталья Александровна Хохлова

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Natal'ia Aleksandrovna Khokhlova

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-3021-5275

irliran@mail.ru

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»: ЭКЗЕМПЛЯР А. И. ТУРГЕНЕВА
В БИБЛИОТЕКЕ А. С. ПУШКИНА (1830-е ГОДЫ)

THE TALE OF IGOR'S CAMPAIGN:

A. I. TURGENEV'S COPY IN THE LIBRARY OF A. S. PUSHKIN (1830s)

Статья посвящена истории книжной редкости — экземпляра первого издания «Слова о полку Игоре» (1800), одним из владельцев которого был А. И. Тургенев. В центре внимания следующие сюжеты: «Слово» в библиотеке дипломата и ориенталиста А. Я. Италинского и его пометы на полях книги — «объяснения по восточным языкам»; обстоятельства приобретения книги Тургеньевым, до сих пор неизвестные; экземпляр Тургеньева в библиотеке Пушкина — как один из источников работы поэта над переводом памятника. В завершение проанализирована и опровергнута гипотеза М. И. Гиллельсона о предполагаемом местонахождении книги.

Ключевые слова: первое издание «Слова о полку Игоре», А. С. Пушкин — переводчик, А. И. Тургенев, А. Я. Италинский.

The article deals with the history of a rare book, a copy of the first edition of *The Tale of Igor's Campaign* (1800), owned for a while by A. I. Turgenev. The article focuses on the following issues: *The Tale* in the library of the diplomat and orientalist A. Ya. Italinsky and his marginalia — «notes on oriental languages»; the circumstances of the acquisition of the book by Turgenev, still obscure;